

УДК 316.7

БЕЗОПАСНОСТЬ И КУЛЬТУРА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Зырянова Ольга Борисовна

аспирант

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

E-mail: mfgamba@mail.ru

SECURITY AND CULTURE AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY

Zyryanova Olga

post-graduate student,

Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются теоретико-методологические основы и лингво-семантические особенности безопасности в рамках социологического дискурса, а также ее взаимодействие и взаимосвязь с многогранным понятием культуры.

ABSTRACT – The article deals with theoretical and methodological foundations and semantic features of security within the sociological discourse, as well as its interaction and relationship with the multifaceted concept of culture.

Ключевые слова: безопасность, культура, лингво-семантический анализ, интеграционный подход, социокультурное пространство.

Keywords: security, culture, linguistic and semantic analysis, intergration approach, socio-cultural space.

Еще в конце XIX в. в российской науке сложилось представление о безопасности как о «главнейшем залого человеческого развития» [2, С.304], то есть как об основном условии развития человека и общества. Социологическая наука, не избежав влияния нарастающей макрополитической напряженности как глобальной общественной тенденции, обратила пристальное внимание на проблематику безопасности лишь на рубеже XX-XXI веков, постепенно сформировав, кроме прочих, две доминирующие точки зрения: охранительно-защитную (И. Валлерстайн, О. Н. Яницкий, Р. Г. Яновский, Э. Гидденс, Л. В. Астахова и др.) и диалектико-семантическую (Ю. В. Фетисова, Г. Бехманн, А. Ш. Викторов и др.) [4, С.261, 264]. Наиболее методологически разработанной в рамках охранительно-защитной традиции рассмотрения безопасности можно назвать научную школу социологии безопасности В. Н. Кузнецова. Его понимание безопасности включает и содержание, и структуру феномена, выражаясь следующим определением: «безопасность может быть определена ... как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для всех» [8, С.16]. Ученый указывает на нецелесообразность анализа состояния безопасности через изучение интересов социальных групп, общества, государства, цивилизации. Вместо этого следует перейти к анализу «вызовов и угроз целям, идеалам и ценностям человека, общества и государства» [8, С.22]. Такой методологический поворот открывает эмпирические возможности для изучения представлений о безопасности в рамках социологического дискурса.

Одним из показательных примеров диалектико-семантической традиции можно назвать феноменологический подход Н. Н. Рыбалкина. По его мнению, современные взгляды на феномен безопасности необычайно разнообразны и варьируются от его отождествления с «родовым понятием» до признания симбиозом экологической, экономической и другой безопасности, противоречащей системе угроз личности и общества от разного рода опасностей. Современные представления о безопасности, указывает Рыбалкин, отражают не объективную природу феномена, а определенные «мировоззренческие, идеологические позиции, сложившиеся на протяжении нескольких десятилетий и продолжающие доминировать как в практической деятельности, так и в теоретических взглядах» [10, С. 38]. Следовательно, для определения сущности феномена безопасности нужно выявить именно его объективную природу. Первым шагом на пути к этой цели становится нахождение «точки отсчета», основания, которое удовлетворяло бы критериям общеизвестности и «максимального охвата существующих представлений». Таким основанием, согласно Н. Н. Рыбалкину, становится гипотеза о связи феномена безопасности с «сохранением существования» как априорной фундаментальной установкой живой материи: «сама природа живого организма детерминирует необходимость сохранения его существования ... сохранение существования является самоцелью живого» [10, С. 100]. С усложнением организации живых организмов самосохранение жизни приобретает двунаправленный характер: внутренний, детерминирующий самосохранение целого, и внешний, обеспечивающий самосохранение целого за счет развития его приспособляемости к окружающей среде как части окружающего мира.

Важным для понимания феномена безопасности является понятие опасности как «формы субъективного определения отрицания существования, которая детерминирует определенные действия по самосохранению», причем феномен опасности имеет «рефлексивный – опосредованный отрицанием существования - характер» [10, С. 103]. Для Н. Н. Рыбалкина безопасность становится формой «рефлексивного оформления человеком своего существования по отношению к опасности» [10, С. 112].

Диалектико-семантическая традиция рассмотрения безопасности раскрывает рефлексивную природу феномена, что указывает на источник возникновения представлений о безопасности. Такое понимание дает основание осветить тематику субъективной безопасности, откуда и начинается рефлексия. Современные социологические исследования безопасности склонились к объективизации, уводя на второй план проблему субъективной природы безопасности. Между тем, как указывает С. Gusu, в дискурсе о безопасности ее объективная составляющая играет второстепенную роль по отношению к субъективной безопасности – «ощущаемой безопасности, чувству безопасности» [15, С.112].

Тенденция к субъективно-объективному размежеванию в дискурсе о безопасности, согласно Дж. П. Берджессу, проявилась еще в Средние века, когда для обозначения понятия стали использоваться два латинских слова: «certitudo» и «securitas». Первая лексема выражала безопасность «в знании, в мысли, в убеждении», то есть субъективную составляющую; вторая была «объективной мыслью об опасности там, а не здесь», то есть была основой отношения к опасности вообще, к абстрактному ее видению. С тех пор методологическое развитие получило именно «securitas», задав направление современной концепции безопасности [14, С.3]. Современный лингво-семантический анализ лексемы «безопасность», проведенный автором, подтверждает выводы европейских исследователей. Среди пятидесяти самых распространенных языков на планете, лидерами рейтинга значений оказались «надежность» (39,2 %) и «уверенность» (27,4 %), которые выражают состояние объективной, то есть привнесенной «извне» и субъективной, то есть происходящей от самого субъекта, безопасности соответственно (табл.1):

Значения лексемы «безопасность»
в 50 самых распространенных языках мира

	%
«Надежность»	39,2
«Уверенность»	27,4
«Сохранность»	23,5
«Защита»	21,5
«Охрана», «Гарантия»	17,6
«Обеспечение»	15,6
«Спокойствие», «Предохранитель»	11,7
«Служба безопасности», «Залог», «Поручитель, поручительство», «Степень безопасности, мера безопасности», «Убеждение, убежденность»	7,8
«Условие», «Самоуверенность», «Предохранительный, предохранение», «Сохранение», «Ценная бумага», «Смелость, храбрость», «Достоверность», «Прикрытие», «Отсутствие опасности, неопасность», «Покой, спокойно», «Покровительство»	5,8
«Оборона», «Вера», «Доверие», «Прочность», «Устойчивость», «Страховка», «Здоровье», «Бесстрашие», «Опора», «Стабильность», «Благополучие, благополучный», «Безвредность, безвредный», «Заверение», «Эгида», «Тишина, тихо», «Точность», «Предосторожность, мера предосторожности», «Резервная копия, резервное копирование», «Протекция», «Мир», «Верность», «Обеспеченность», «Твердость»	3,9

Результаты лингво-семантического анализа указывают на укоренившуюся в языках тенденцию понимания безопасности как состояния, превносимого «извне». Как видно из таблицы, семантические категории, выражающие субъективную природу безопасности, представлены меньшинством. Это подтверждает существование определенных стереотипов рассмотрения безопасности как в социологии, так и в гуманитарном знании в целом. Но подлинно научное знание предполагает полноту и всеобъемлющий характер изучения феномена. Методологический «перекосяк» демонстрирует необходимость пристального рассмотрения безопасности в смысле «certitudo» как не менее важного, чем «securitas».

Субъективный смысл безопасности может быть раскрыт, прежде всего, в социально-психологическом ракурсе, где безопасность понимается как «осознанное, рефлексивное и действенное отношение человека к условиям жизни как обеспечивающим его духовное равновесие и развитие» [5].

Социально-психологическая безопасность, согласно О. Ю. Зотовой, является «неотъемлемым свойством социальной системы, состоящим в способности к ее обеспечению на основе осознанной, целенаправленной деятельности личности в процессе самоутверждения и самореализации» [6, С.13]. В современных условиях усиливается зависимость безопасности социальной системы от компетентности отдельного человека как субъекта деятельности и эффективности обеспечения собственной безопасности. Такая компетентность формируется на основе собственных представлений и понятий о безопасности, которые подвергаются постоянной экспериментальной проверке. Ориентируясь на эти представления, индивид «живет, предугадывая события, строит свое поведение, оценивает результаты своих действий, корректирует способы интерпретации окружающего мира» [6, С.19]. Кроме того, социально-психологическая безопасность выступает исходным условием межличностных отношений и является существенным фактором, влияющим на социальное восприятие личности.

Функциями социально-психологической безопасности становятся:

1. Регулирование социального поведения людей;
2. Активизация смыслоориентированной деятельности человека;
3. Определение особенностей и характера отношений личности с окружающей действительностью [6, С.13].

Говоря о восприятии опасности, важно понимать ее физиологический смысл. В организме существуют две техники формирования ответа на опасность, работающие одновременно. Первая техника, осуществляемая мозжечковой миндалиной, эволюционно сформиро-

валась еще у рыб и представляет собой немедленную реакцию на стресс в виде выброса определенных гормонов и не контролируется сознанием. Вторая же техника, появившаяся впервые у млекопитающих, позволяет коре головного мозга проводить аналитическую работу по отношению к возникшей опасности. Это более медленный, но уже осознанный и рационализирующий ситуацию процесс [17]. Маркером работы коры головного мозга является формирование отношения к опасности. В случае работы мозжечковой миндалины срабатывает лишь классическая бихевиористская схема «стимул-реакция». Поэтому в исследовании субъективной безопасности необходимо отделять отношение к опасности от реакции на опасность.

Неверно утверждать, что восприятие – категория исключительно психофизиологическая. Еще в середине прошлого века профессор психологии Дж. Брунер доказал, что процесс восприятия имеет социальную детерминанту, и включает «прошлый опыт субъекта, его цели, намерения, значимость ситуации» [Цит. по 1]. Опасность определяется как явление, к которому индивид относится как к способному нанести вред, причинить ущерб в той или иной форме. В современном мире опасность предстает в самых разных ипостасях: от землетрясения до социальной дезадаптации. Поэтому, для получения системного представления об окружающих опасностях необходима типологизация. Опасности условно поделим на реальные и мнимые, непосредственные и опосредованные, явные и скрытые.

Критерий мнимости-реальности опасности может быть определен объективно и субъективно. Объективно этот критерий представляет собой количественную характеристику вероятности наступления опасного события. Здесь возникает понятие риска, которое указывает на вероятность ущерба при наступлении опасного события. Но часто объективные данные, то есть действительная возможность возникновения опасности не коррелирует с отношением к этой опасности, восприятию степени опасности. Существуют определенные характеристики опасности и риска, приводящие к их гиперболизации либо преуменьшению относительно объективных показателей в восприятии [16, С.16]:

Таблица 2

Характеристики опасностей и рисков, воспринимаемых как мнимые или как реальные

Характеристика опасностей и рисков, воспринимаемых скорее как мнимые	Характеристика опасностей и рисков, воспринимаемых скорее как реальные
Эффектные	Преходящие
Редкие	Обычные
Персонифицированные	Анонимные
Вне контроля, или навязанные извне	Частично под контролем или принятые сознательно
О которых говорят	Которые не обсуждаются
Антропогенные	Природные
Немедленные	Долгосрочные или диффузные
Внезапные	Медленно развиваются в течение долгого времени
Затрагивающие лично	Затрагивающие других
Новые и незнакомые	Знакомые
Неопределенные	Хорошо понятные
Направленные против собственных детей	Направленные против них лично
Морально неприемлемые	Морально возможные
Лишенные выгоды	С выгодой

Воздействие опасности может быть непосредственным, но чаще всего опосредовано другими индивидами, социальными институтами, обществом в целом, техникой и т.д. К примеру, существует опасность заболеть вирусным гепатитом. Министерство здравоохранения РФ сообщает, что эта опасность реальна. Если бы эта болезнь передавалась воздушно-капельным путем, то, с определенной долей условности, можно было бы утверждать, что опасность заболеть непосредственна. Но так как вирус передается только контактно, опасность заболеть гепатитом опосредована носителем или каким-то предметом общего с носителем пользования. Также к непосредственным опасностям можно отнести и природные катастрофы.

Даже реальная опасность может быть скрыта по различным причинам. Такие причины могут быть внутренними и внешними. Ко внутренним относятся: неспособность или нежелание получить нужную информацию об опасности, неспособность распознать опасность в силу нехватки компетенции. Внешними причинами могут быть дезинформация или намеренное сокрытие информации по политическим, этическим и другим причинам.

В поисках интегрированного подхода к безопасности немецкий исследователь Б. Блинкерт предложил матрицу, представляющую собой попытку обозначения поля социологических исследований в области безопасности. Эта матрица состоит из семи аспектов безопасности, которые должны быть рассмотрены через комплекс трех контекстов: субъективный (контекст жизненного мира), объективный (контекст структуры) и конструктивный (контекст конструкции) (См.: Табл. 3).

По мнению Блинкерта, безопасность всегда понимается как «безопасность от угроз». При этом ощущение, переживание небезопасности проявляется в виде «более или менее ясного страха перед угрозой». Такое переживание вызывается мнимыми или реальными опасными событиями (2), то есть такими событиями, которые с большей или меньшей вероятностью (4) произойдут и от которых ожидаются негативные последствия, ущерб (3).

На ощущение небезопасности также влияют привычки, традиции и требования (1), связанные с безопасностью. Требования могут быть описаны как с позиции индивидов, так и общественных норм и институтов, и культурных моделей. Также следует рассматривать меры (5) по профилактике опасных событий, коррекции негативных последствий и компенсации за эти последствия, которые могут быть объективно или субъективно доступны. Принятие мер по профилактике, коррекции и компенсации могут привести к преднамеренным или непреднамеренным побочным эффектам (6), как, например, ограничение прав и свобод человека, высокие экономические затраты и т.д. Последним аспектом, который следует рассматривать в связи с тематикой безопасности, являются действующие лица (7) (индивиды, группы, организации), которые играют роль в возникновении, профилактике, компенсации и корректировке опасных событий и представления об этих лицах.

Таблица 3

Матрица Блинкерта

Исследовательское поле безопасности	Контекст	<i>Жизненный мир</i>	<i>Структуры</i>	<i>Конструкции</i>
	Исследуемый уровень	<i>Индивиды</i>	<i>Агрегаты (территориальные единицы)</i>	<i>Символические системы</i>
Аспекты безопасности	1. <i>Требования, привычки, традиции</i>	Восприятия, оценки, оценки с точки зрения менталитета, решения	Архитектуры безопасности: нормы, институты, индикаторы безопасности: частота, квоты, распространенность	Дискурс о безопасности: значения, идеологии, программы, коммуникации
	2. <i>Опасные события</i>			
	3. <i>Ущерб</i>			
	4. <i>Вероятности</i>			
	5. <i>Меры</i> <i>Профилактика</i> <i>Коррекция</i> <i>Компенсация</i>			
	6. <i>Побочные эффекты</i>			
	7. <i>Действующие лица</i>			

Данные аспекты должны быть исследованы в трех контекстах. Субъективный контекст, или контекст жизненного мира включает значение представлений о “безопасности/небезопасности” для повседневной жизни. В этом контексте речь идет о безопасности как субъективной реальности, о восприятии опасности, о значении безопасности в жизненной практике, в проектировании жизни, то есть социально-психологический ракурс, о котором говорилось выше.

Контекст структуры, или объективный контекст, предполагает вычисление индикаторов безопасности для различных агрегатов, или территориальных единиц: городов, республик, части Европы, всего мира. Индикаторами могут быть частота несчастных случаев, квота жертв, скорость распространения эпидемии или финансового кризиса и т.д. Индикаторы влияют, прежде всего, на расчет вероятности и риска. Также к контексту структуры относятся архитектуры безопасности, которые могут быть описаны в нормах, социальных институтах и организациях.

Третьим, наиболее важным с точки зрения социологического аспекта, является контекст конструкций. В этом контексте речь идет о дискурсе безопасности и коммуникации. Центральной здесь является категория ценности безопасности в культурно укоренившихся представлениях и моделях, а также в средствах массовой информации [13].

Матрица Блинкерта представляет собой интегрированную, целостную модель социологического исследования безопасности. Она объединяет субъективный, объективный и ценностный подходы к безопасности, а также дает возможность рассмотреть соотношение, соответствие и взаимосвязь этих трех контекстов.

Безопасность в социуме – это идеальное, статичное состояние, так как любая форма социального взаимодействия подразумевает динамику, а также определенный риск и определенную выгоду для акторов. Следовательно, в ходе социализации должно сформироваться такое представление о безопасности, которое бы обеспечивало нормальное функционирование и достаточное развитие индивида внутри определенного социокультурного пространства. Такое представление обозначим как приемлемый уровень безопасности. Нормальное функционирование и достаточное развитие индивида верифицируется в соответствии с совокупностью ценностей, принятых в данном обществе, социокультурном пространстве. Понятие приемлемого уровня безопасности связано с феноменом безопасности среды. Безопасная среда представляет собой совокупность материального и духовного пространства индивида, обеспечивающую функционирование и развитие на семи уровнях, из которых мы, в рамках социологического анализа, выделим пять [7, С.91-102]:

1. Внутренний мир человека (миллисреда);
2. Микросоциум (микросреда);
3. Территориальная общность (мезосреда);
4. Страна, народ (макросреда);
5. Планета, мир (мегасреда).

Такая типология коррелирует с социологическим пониманием трех основных сфер проявления культуры: отношение к самому себе (1), отношение к другому (2,3,4), отношение к окружающей среде (5) [12]. Следовательно, культура проявляется в системе представлений о безопасности, формируя требования, привычки, традиции безопасности во всем спектре отношений индивида.

Культура формирует человека во всем спектре его отношений: к самому себе, к другому человеку, ко внешней среде. И, если сформировавшаяся система отношений индивида отвечает требованиям функционирования и обеспечения развития данной социокультурной общности, то уровень безопасности данного индивида можно считать приемлемым.

Неприемлемый уровень безопасности как не удовлетворяющий требованиям функционирования и развития характерен для маргинальных социальных слоев. Частично приемлемый уровень безопасности выражается либо через нормальное функционирование без достаточного развития, либо через достаточное развитие в сочетании с неполноценным функционированием. Первый случай обозначим как стагнационный (от лат. *stagnare* – делаю неподвижным, останавливаю) уровень, второй – как акселерационный (от лат. *acceleratio* – ускорение).

Безопасность и культура как социологические категории взаимодействуют не только на уровне формирования представлений о безопасности, но и имеют другие уровни взаимосвязи. В первобытных общинах культура возникает как механизм защиты от опасной природы: «...человек оказался обреченным на поиск стратегий обеспечения своего безопасного

существования посредством культуры» [11, С.3]. Чем более подконтрольной и управляемой становилась природа, тем менее востребованным становился защитный смысл культуры, поэтому постепенно актуализируются другие ее смыслы – эстетический, прикладной и др.

Культура хранит большой материал, наследие поколений, выступая «человеческой сферой познания жизни» [9]. Поэтому, с одной стороны национальная культура предлагает исторический опыт для решения актуальных проблем безопасности; с другой стороны, одной из основных задач национальной безопасности становится сохранение культуры.

Представители разных культурных групп понимают безопасность по-своему. В частности, это проявляется через смысловые оттенки лексемы «безопасность» в разных языках. Немецкое «Sicherheit» образуется от «sicher», что означает «надежный, верный, достоверный, уверенный».

В английском безопасность существует в двух семантических формах: «security» и «safety». Их диалектическая связь точно выражается через афоризм: “To be safe, never feel secure”. То есть «safety» - это своего рода внутренняя уверенность, что все будет хорошо, чувство безопасности, а «security» - обеспечение безопасности. Значит, афоризм можно перевести как призыв взять на себя ответственность за свою безопасность: «Чтобы ощущать безопасность, никогда не чувствуй, что тебя обезопасили».

В русском языке слово «безопасность» имеет структуру, выражающую состояние отсутствия опасности, в то время как в английском, немецком, итальянском («sicurezza»), французском («sécurité») и других языках аналогичное понятие подразумевает позитивный результат деятельности по предотвращению (преодолению) опасности. Кроме того, безопасность является высшей культурной ценностью и предстает идеалом социальной защищенности [3, С.104].

Итак, безопасность и культура являются социологическими категориями, находящимися в тесной взаимосвязи. Безопасность – это состояние, которое субъективно оценивается как не препятствующее функционированию и развитию. Поскольку безопасность – это идеальное состояние, был введен термин приемлемого уровня безопасности. Безопасность обладает рефлексивной природой; содержит субъективный, объективный и конструктивный контекст. Безопасность как отношение формируется посредством восприятия опасности через призму культурно укоренившихся представлений.

Список литературы:

1. Психологический словарь «Мир психологии». URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=654>
2. Энциклопедический словарь под ред. проф. И.Е. Андреевского. Том III. СПб. Семеновская Типо-литография (И.А. Ефрона), Фонтанка, №82, 1891.
3. Бехманн Г. Современное общество - общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. - М.: Логос, 2010. 248 с.
4. Елфимова О.С. Социологический аспект понятийного оформления сущности безопасности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, №4, 2013. С. 259-269.
5. Еремеев Б.А. Психология безопасности, психологическая безопасность и уровни развития человека. URL: <http://humanpsy.ru/yeremeyew/bezopasnost>
6. Зотова О.Ю. Социально-психологическая безопасность личности. Автореф-т дисс. на соиск. уч. ст-ни доктора псих. наук. М, 2011.
7. Кружков А.П. Социально-философские аспекты создания безопасной среды. Дисс. на соиск. уч. ст-ни канд-та фил. наук. Саранск, 2009.
8. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: учебное пособие. М.: Книга и бизнес, 2007. 423 с.
9. Николаев П.А. Культура как фактор национальной безопасности России. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1181401&s=120000000>
10. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности: учебное пособие / Н.Н. Рыбалкин. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 296 с.
11. Фетисова Ю.В. Культура безопасности: диссер. на соиск. уч. ст. канд-та филос. наук. – Омск, 2009. 161 с.

12. Сірий Е.В. Соціологія. Учебное пособие. URL: http://uchebnikonline.com/soziologia/sotsiologiya_-_siriy_yev/sotsiologiya_-_siriy_yev.htm
13. Blinkert B. Drei Sicherheiten. Offene Methoden in der Sicherheitsforschung. URL: http://www.bmbf.de/pubRD/Vortrag_Blinkert.pdf
14. Burgess J.P. What is security culture? The new ethos of risk. URL: <http://jpeterburgess.com/wp-content/uploads/2009/06/Burgess-security-culture2>
15. Gusy C. Sicherheitskultur-Sicherheitspolitik-Sicherheitsrecht, in: KritV, 2010. S. 111-128.
16. Ropeik D., Grey G. Risk: a practical guide for deciding what's really safe and what's really dangerous un the world around you. URL: <http://books.google.ru/books?id=VEOK7Wu5q94C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
17. Schneier B. The psychology of security. URL: https://www.schneier.com/essays/archives/2008/01/the_psychology_of_se.html

УДК 331.54

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КАЧЕСТВАМ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

Иванова Елена Юрьевна

*кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института социологии Российской академии наук.*

E-mail: ele6248@isras.ru

REQUIREMENTS FOR PROFESSIONAL QUALIFICATIONS OF TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE BIG URALS (MATERIALS ONLINE PUBLICATIONS)

Elena Y. Ivanova

*Candidate of economic Sciences, senior researcher
Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences*

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена сопоставлению оценок профессиональных и личностных качеств воспитателя дошкольной образовательной организации, формулируемых участниками образовательного процесса (государство, работодатель, воспитатель, родитель), с целью обоснования социального заказа на профессию в современных социально-экономических реалиях. Контент-анализ документальных источников, информации, размещенной на специализированных сайтах, позволяет аккумулировать и обобщить представления о статусных ролях воспитателя, учитывая региональные особенности приложения труда.

ABSTRACT – The article is devoted to the comparison of the evaluations of the professional and personal qualities of the teacher preschool educational organization, identify all participants in the educational process (state, employer, parent, child). It is important to justify the social order on the profession in the contemporary socio-economic realities. Content analysis of documentary sources of information on specialized sites, allows us to accumulate and generalize the notions of status roles of educator, taking into account regional peculiarities of application of labour.

Ключевые слова: дошкольное образование; воспитатель; профессиональная группа; социальный заказ

Keywords: preschool education; educator; professional group; the social order

В 2012-2014 гг. был принят ряд документов, регламентирующих и стандартизирующих деятельность системы дошкольного образования в современных социально-экономических условиях: «Типовое положение о дошкольном образовательном учреждении» (Зарегистрирован в Минюсте РФ 18 января 2012 г. Регистрационный N 22946), Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н "Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере